
УДК 159.943:355.232.2(=161.1) +
159.943:355.232.2(112.2) +
94(100)“1939/45”

Елена Приказчикова

СОВЕТСКИЕ И НЕМЕЦКИЕ СТЕРЕОТИПЫ ВОИНСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛЕТЧИКОВ-ИСТРЕБИТЕЛЕЙ

SOVIET AND GERMAN STEREOTYPES OF MILITARY BEHAVIOR OF FIGHTER PILOTS

Dulce et decorum est pro patria mori
Horatius

With reference to a vast amount of Soviet / Russian and German ego-documents, the author studies the sociocultural and national stereotypes of military behavior of fighter pilots in World War II. Examining broader aspects of fighter pilots' subcultural psychology and using the methods of content analysis of memoirs, the author analyzes the main means of changing stereotypes in terms of mutual perceptions of former enemies. The latter did not only depend on the logic of uncompromising military confrontation and the clichés of propaganda but also on the mental code required of participants of the war, in which they were to comply with traditional behavioural ideals of valor and heroism.

Keywords: stereotypes of military behaviour; ego-documents; subculture of fighter pilots; World War II.

В статье на основе привлечения большого количества советских/российских и немецких эгодокументов рассматриваются социокультурные и национальные стереотипы воинского поведения летчиков-истребителей эпохи Второй мировой войны. Рассматривая черты интернационального единства субкультурной психологии летчиков-истребителей и используя метод контент-анализа мемуарных источников, автор исследует основные пути изменения стереотипов восприятия друг друга бывшими противниками, зависящих не только от логики бескомпромиссного военного противостояния и пропагандистских клише, но и от национального ментального кода, предписывающего участникам военного конфликта придерживаться

в своем поведении исторически сложившихся традиций восприятия идеалов мужества и героизма.

Ключевые слова: стереотипы воинского поведения; эгодокументы; субкультура летчиков-истребителей; Вторая мировая война.

Представление о военной доблести даже в античную эпоху, когда в обществе культивировались представления об *ἀρετή* и *virtus*¹, никогда не представляло собой раз и навсегда устоявшейся категории. Идеал героизма, трансформированный в стереотип воинского поведения, меняется в зависимости от исторической эпохи и национального своеобразия данных представлений. Наиболее отчетливо эти отличия находят свое отражение через личностную установку эгодокументов, которые, являясь «окном в прошлое» [Гладков], позволяют проследить трансформацию исторической психологии представителей военной субкультуры в зависимости от их национальной принадлежности. Впервые возможности подобного контент-анализа проявились на примере мемуарно-автобиографической литературы эпохи Наполеоновских войн.

Анализ эгодокументов как с русской, так и с французской стороны показывает, что важнейшей чертой мемуарной самоидентификации «детей Марса» было культивирование специфического типа героизма, охарактеризованного французским драматургом Э. Ростаном термином «панаш» (от фр. *panache* 'рыцарский султан'). Панаш понимался как «душа отваги», «храбрость, доминирующая над ситуацией», предписывающая его носителю «шутить перед лицом опасности» [Roland, p. 22–23]. Данный «героизм с оглядкой на публику» [Луков, с. 115] был тесно связан с проявлением безудержной лихой отваги, ежечасной рискованной игры со смертью, практически полностью исключавшей изображение в мемуарах проявлений трусости в бою, т. е. поведения, не соответствующего высоким канонам мифориторической культуры с ее глорификацией военной действительности.

Начиная с эпохи Первой мировой войны, военная культура офицерского корпуса, восходящая своими корнями к рыцарской этике, начинает неуклонно разрушаться. Е. Месснер, военный теоретик русского зарубежья, в статье «Современные офицеры», написанной в 1961 г. в Буэнос-Айресе, отмечает: «...блокадой Германии в Первую Всемирную войну было положено начало войнам против слабейших: против женщин, детей, стариков. Вторая война изорвала в клочья офицерский кодекс. Офицер стал командиром хаоса, ибо вместо борьбы армии против армии война стала столкновением воинов и партизан, рыцарей и подпольщиков» [Месснер, с. 423].

Единственным исключением в данном ряду оказывается, начиная с эпохи Первой мировой войны, субкультурное мышление летчиков-

¹ 'Доблесть, мужество' (греч., лат.).

истребителей, образ которых был окружен романтическим ореолом. Даже в суровых условиях военной действительности они стремились придерживаться в своем поведении неписаных законов «рыцарей воздуха», бросающих друг другу с небес вызовы на поединки, о чем писал Й. Хейзинга [Huizinga, p. 92]. В российской императорской армии эталоном подобного «рыцаря воздуха», с которого пытались «делать жизнь» молодые летчики, был Евграф Крутень [Летающие тузы], в немецкой – «красный барон» М. фон Рихтгофен [Richthofen]. Особый интерес поэтому представляет исследование субкультуры летчиков-истребителей Второй мировой войны, сражающихся на стороне наиболее непримиримых политических сил той эпохи: нацистской Германии и Советского Союза. В центре внимания автора статьи находятся социокультурные стереотипы воинского поведения немецких и советских летчиков.

В 90-е гг. XX в. в России в результате перестройки, сопровождающейся отменой идеологических стандартов и частичным открытием архивов, активизировалась важнейшая составляющая любого мемуарного текста – авторская память. Мемуарная проза о войне, опять став одним из самых востребованных видов литературы, начинает издаваться и переиздаваться². Большой интерес среди эгодокументов вызывает жанр «глубокого интервью», образцы которого по различным родам войск представлены на интернет-сайте А. Драбкина «Я помню» (<http://www.iremember.ru>). На основе данных интервью впоследствии были изданы сборники воспоминаний «Я дрался на истребителе. Принявшие первый удар», «Я дрался с асами Люфтваффе», «Я дрался на Ил-2», «Я дрался на У-2», «Я дрался на Т-34», «Я дрался с панцерваффе».

Важным фактором для активизации мемуарного творчества советских/российских ветеранов стало издание в России воспоминаний их противников во Второй мировой войне в сериях «За линией фронта. Мемуары», «Солдат III Рейха», «Жизнь и смерть на Восточном фронте» и отдельными изданиями. Среди этих воспоминаний одно из самых заметных мест занимают мемуары немецких летчиков (Г.-У. Руделя, А. Галланда, Й. Штейнхофа, Г. Липферта, П. Хенна, Н. Ханнига, В. Ионена, В. Хейлмана, Г. Леске, Х. Кноке, М. Зиглер, Г. Блометца, К. Фритцше) и др. Правда, многие интересные мемуарные тексты, вроде воспоминаний Г. Ралля или В. Шука, еще не переведены на русский язык, поэтому при обращении к ним в статье мы будем апеллировать к английским первоисточникам как наиболее распространенным в западноевропейском культурном пространстве.

В результате возникли объективные предпосылки для создания интернационального мемуарного интертекста, рассказывающего об истории Второй мировой войны и создающего более объективную картину происходящего при личной субъективности каждого из авторов.

² См. издания из серии: «На линии фронта. Правда о войне», «Мы были солдатами. Фронтовые приключения», «Война и мы. Солдатские дневники», «Война и мы. Окопная правда», «Сталинские соколы», «В воздушных боях».

Особенно сильно иностранные эгодокументы воздействовали на сознание бывших летчиков-истребителей, как наиболее интеллигентной и читающей части ветеранского корпуса. Немецкая мемуарная литература в значительной степени изменила представление российских читателей о «фашистских стервятниках», позволила увидеть, если можно так выразиться, человеческое лицо врага. К удивлению, оказалось, что многие немецкие асы, сражавшиеся на Восточном фронте, придерживались в своем поведении неписаных законов «рыцарей воздуха», созданных еще «красным бароном» М. фон Рихтгофеном в Первую мировую войну. Если еще в 1986 г. И. Драченко в своих воспоминаниях «На крыльях мужества» писал о немецких асах как о «бриллиантовых мальчиках» Геринга, «которые пели бравурные песни и расстреливали на дорогах беззащитных женщин и детей, пускали под откосы санитарные поезда, картинно несли на своих боках удавов, черных кошек, пиковых дам» [Драченко, с. 163], то в XXI в. в биографической книге о А. И. Покрышкине историк авиации А. В. Тимофеев, характеризуя немецких асов-истребителей, замечает: «В истребительных эскадрах собрался цвет молодежи из старинных германских земель» [Тимофеев, с. 255]. Олицетворением этой молодежи у автора становится ас № 2 Германии (301 победа в воздухе) Г. Баркхорн, награжденный Рыцарским крестом с дубовыми листьями, мечами и бриллиантами. Этот «бриллиантовый мальчик», по терминологии И. Драченко, характеризуется Тимофеевым как «редкостный джентльмен, пытавшийся сохранить рыцарские правила ведения боя» [Там же, с. 254].

В российской мемуарной литературе последнего десятилетия феномен «нового знания» может приводить к отказу от старой советской традиции изображения врага, что сразу же сказывается на используемой автором лексике. Например, в воспоминаниях В. Решетникова, генерал-полковника, Заслуженного военного летчика СССР, Героя Советского Союза, при рассказе автора о появлении на Южном фронте эскадры известного аса Люфтваффе и командира истребительной авиации В. Мельдерса читаем: «Знаменитый немецкий (не фашистский. – Е. П.) ас привел с собой целую стаю своих “орлов” (не стервятников. – Е. П.), и перевес оказался на их стороне» [Решетников, с. 255].

Подобная аберрация мемуарного текста, сопряженная с готовностью понять и по достоинству оценить бывшего противника, проявляет себя в воспоминаниях известного летчика-испытателя А. Щербакова, Героя Советского Союза, генерал-майора авиации Г. Баевского. В книге Баевского символом своеобразного «примирения» с оппонентами из Люфтваффе становится встреча советских ветеранов-летчиков в феврале 1995 г. на военно-исторической конференции «Летчики-истребители в боях за Отечество» с бывшим асом Люфтваффе и генеральным инспектором Бундеслюфтваффе генерал-майором Г. Раллем. Ралль, приехавший в подмосковную Кубинку, произвел очень хорошее впечатление на своих бывших оппонентов.

Баевский пишет: «Этого летчика отличали не только выдающиеся профессиональные качества, мужество, но и психологическая устойчивость, стремление до конца выполнить долг» [Баевский, с. 283].

В целом, для субкультуры летчиков-истребителей, независимо от их национальной принадлежности, принципиально важным оказывается общая романтизация своей профессии, включающая противопоставление себя летчикам других видов авиации, например, бомбардировочной; отношение к боевой машине как к боевому другу, живому существу, специфический авиационный юмор, умение до старости сохранять мальчишеский задор, детскую откровенность и непосредственность поведения. В этом отношении нет принципиальной разницы между характеристикой, даваемой асом двух войн, Второй мировой и Корейской, С. Крамаренко своему другу летчику-истребителю А. С. Куманичкину, который, «будучи крупным военачальником... в душе оставался юным, увлекающимся, задорным весельчаком и спортсменом» [Крамаренко, с. 359], и характеристикой, которую американские авторы Р. Ф. Толивер и Т. Дж. Констебль дают самому результативному асу Люфтваффе Э. Хартманну в его биографии «Белокурый рыцарь Германии»: «He enjoys life hugely, has his mother's gaiety and sense of humor»³ [Toliver, Constable, 1985, p. 9]. А тот факт, что Хартманн до самой своей смерти в 1993 г. носил военное прозвище «Bubbi» («мальчуган, малыш») говорит сам за себя.

Одним из важнейших неписаных законов, характеризующих психологию «рыцарей неба», был запрет стрелять по парашютистам – пилотам противника, покинувшим свой обреченный самолет. В мемуарах российских летчиков советского периода наиболее распространенным было мнение, что фашистские летчики систематически и целенаправленно занимались расстрелом советских парашютистов, в то время как советские летчики этого не делали никогда. Об этом пишут К. Кайтанов [1984], А. Л. Иванов [1974], В. Некрасов [1960], К. Л. Карданов [1985] и др., неизменно возмущаясь этим коварным и подлым приемом врага. Знакомство с немецкой мемуарной литературой показывает, что, по крайней мере, для асов, награжденных Рыцарским крестом, соблюдение неписаных законов Рихтгоффа было строго обязательно. В биографической книге Р. Ф. Толивера и Т. Дж. Констебля «Белокурый рыцарь...», написанной на основе воспоминаний асов Люфтваффе, все время подчеркивается: «For German fighter pilots it was unthinkable to strafe an enemy pilot hanging in his parachute. They regarded that not as war and fighting between soldiers, but as murder. This chivalrous tradition may have seemed out of place in total war, but the Luftwaffe lived by this code to the end»⁴ [Toliver, Constable, 1985, p. 169]. Командующий истребительной авиацией

³ «Он очень жизнерадостен, унаследовал от матери веселость и чувство юмора» (здесь и далее перевод мой. – Е. П.).

⁴ «Для германского пилота было просто немыслимо обстреливать вражеского пилота, выпрыгнувшего с парашютом. Немцы считали, что это не сражение между солдатами, а грязное убийство. Эти рыцарские традиции уже не имели места в эпоху тотальной войны, но Люфтваффе жило в соответствии с этим кодексом до самого конца».

Люфтваффе в 1941–1944 гг. А. Галланд в своей книге воспоминаний «Первый и последний» рассказывает, как во время битвы над Британией в 1940 г. Г. Геринг спросил его, как он отнесется к приказу, который предписывал бы стрелять во вражеских летчиков, выбросившихся с парашютом. Галланд отвечает, что посчитал бы такой поступок хладнокровным убийством и никогда не подчинился бы такому приказу, что вызывает у Геринга одобрение как следование традициям асов Первой мировой войны, к которым принадлежал и главнокомандующий Люфтваффе [Galland]. Подобную точку зрения на данный вопрос высказывали в своих мемуарах и другие асы Люфтваффе: А. Гриславски, В. Крушински, Г. Баркхорн, Э. Хартманн, Н. Ханниг, Г. Липферт, Х. Эвальд, Х. Кноке. При этом немецкие асы, подобно советским, возмущаются нарушением этих неписаных правил только со стороны не советских, но американских летчиков-истребителей. Впервые отчетливо прозвучав в книге американцев Р. Ф. Толивера и Т. Дж. Констебля «Хорридо. Истребительные асы Люфтваффе»: «unfortunately the same assurances cannot be given concerning the American fighter pilot, who offended this tradition of aerial combat all too often»⁵ [Toliver, Constable, 1979, p. 43], – этот упрек в адрес американцев нашел свое отражение в огромном количестве немецких мемуарных текстов, особенно принадлежащих перу асов JG 52 (Г. Липферт, А. Гриславски, Х. Эвальд, Э. Хартманн и др.). Так, Х. Эвальд в книге Д. Вилла «More Bf 109 Aces of the Russian Front», возмущенный расстрелом своего друга Ханнеса Блаттера из Бремена под парашютом, говорит: «Throughout our whole time on the southeastern front, Russian pilot have never shot at German pilot in their parachutes. Perhaps the Americans are practicing “total war”!»⁶ [Weal, p. 74].

Что касается советских летчиков, то особой аберрации их точки зрения в связи с новым знанием о военной культуре их противников все же не произошло. Только некоторые из них, вроде Б. Н. Еремина, командира 31 ГИАП, часто сражающегося против JG 52, в которой служили самые известные асы Люфтваффе, и имеющего репутацию очень принципиального человека, говорит: «Мы в воздухе не расстреливали, и они нас в воздухе не расстреливали, хотя никакой “джентльменской” договоренности не было, неосознанное что-то» [Еремин, с. 157]. Некоторые советские летчики, вроде полковника запаса Д. А. Алексева [Алексеев] служившего в 41 ГИАП или Л. М. Павлова [Павлов] из 821 ИАП, признаются, что сами не знают случаев, когда немцы стреляли бы по нашим парашютистам. Однако чаще у советских летчиков, вроде И. Д. Гайдаенко, их собственный военный опыт вступает в явное противоречие с новым знанием о рыцарских традициях, культивирующихся в Люфтваффе: «Немцы ж

⁵ «К сожалению, этого правила не всегда придерживались американские летчики-истребители, нарушавшие традиции воздушной войны особенно часто».

⁶ «За всё время моего пребывания на юго-восточном фронте русские пилоты никогда не стреляли в немецких пилотов под парашютами. Вероятно, американцы проводили “тотальную войну”».

были сволочи. И неправду говорят, будто они рыцари были... Нет! Они добивали тех, кто на парашютах выпрыгивал. Кутахов висит на парашюте, а они заходят и стреляют» [Гайдаенко, с. 491]. Абсолютное же большинство российских летчиков в своих интервью предпочитает придерживаться традиционной точки зрения: немцы стреляли, мы – нет (Г. В. Кривошеев, Н. Г. Голодников, С. Д. Горелов, А. Е. Шварев, Б. С. Дементеев, В. А. Куницын, Б. И. Кардопольцев), правда, с некоторыми оговорками: стреляли иногда, некоторые из них, такие случаи были. При этом интересно, что в соответствии с традициями социалистического коллективизма, отвергающего индивидуализм, советские летчики почти не используют местоимение «я», «я не стрелял», предпочитая говорить от имени всего полка: «Мы не расстреливали немцев в воздухе. Моды такой не было» [Горелов, с. 353]; «Я не знаю ни одного летчика нашего полка, кто стрелял в парашютистов» [Кардопольцев]; «У нас не было принято расстреливать в воздухе немецких летчиков, которые выбросились с парашютом. За все время на фронте я не помню ни одного такого случая» [Прозор]. Обобщенную точку зрения на данный вопрос формулирует С. З. Букчин, служивший во время войны в 129 ГИАП: «Никто в нашем полку не стрелял по немцам, выбросившимся на парашютах, после сбития <...> Принято было, если немец подбитый, сел на вынужденную на его территории, добить самолет, но целенаправленно в пилота никто не стрелял. А вот немцы, особенно в начале войны, наших пилотов расстреливали часто» [Букчин, с. 41]. При этом практически никто из советских летчиков не апеллирует к рыцарским традициям Первой мировой войны, традициям «отцов», как это происходит у немцев или у британских асов. Например, об этом прямо пишет лучший ас Королевских ВВС Второй мировой войны Д. Э. Джонсон в своих воспоминаниях «Командир крыла» [Johnson]. У советских летчиков сказывается культурный разрыв традиций, вызванный революцией 1917 г., поэтому в большинстве случаев они апеллируют к общечеловеческой морали: «У нас в полку садистов не было» [Букчин, с. 41]; «Ведь это все равно, что расстрелять безоружного или сдающегося в плен» [Иванов, с. 256]; «У нас считалось так – “в воздухе – дерись!”, а это получается вроде как лежачего бить» [Прозор]. Только иногда звучит национальное или идеологическое обоснование данного поведения: «Русский характер не такой!» [Кривошеев, с. 31]; «Не фашист же я, чтобы расстреливать беззащитного врага» [Павлов, 1988, с. 169].

При репрезентации социокультурных стереотипов в эгодокументах российских и немецких летчиков важную роль играет идеологическая составляющая, отсутствие ощущения того равенства сторон военного конфликта, о котором писал Й. Хейзинга. Особенно это заметно в мемуарах российских асов, созданных в советский период, на примере которых можно изучать традиции исторической имагологии. Е. С. Сенявская справедливо отмечала по этому поводу: «Сопоставление своего и чужого, как правило, бывает комплиментарным

по отношению к “своему” и весьма критичным или даже негативным, отторгающим по отношению к чужому» [Сенявская, с. 11].

При изображении военного противника в мемуарах «сталинских соколов» 50–70-х гг. XX в., особенно дослужившихся до генеральских погон, часто встречаются идеологические клише, шаблоны и стереотипы. Их появление в мемуарном тексте было неизбежным следствием отражения в тексте той «официальной правды», пропитанной запахом газет, о которой писала еще С. Алексиевич, отмечая, что данная правда «неизменно заводит в пустыню прошлого, на глянцевой поверхности которого маячили только памятники. Гордые и непроницаемые» [Алексиевич]. В традициях «официальной правды» место конкретного военного противника занимают безликие «фашисты», чтобы не обидеть наших немецких товарищей из ГДР. Немецкая армия характеризуется как «оголтелая банда фашистских убийц», немецкие летчики становятся «фашистскими стервятниками», Берлин – «логовом фашистского зверя» и т. д. В книге С. Грибанова с характерным названием «Заложники времени. Воспоминания летчика-истребителя на свободную тему», вышедшей уже в начале постсоветской эпохи, феномен официальной памяти у летчиков подается через ироническую фразу: «Говорить правду? Или сразу пойдем в буфет?» [Грибанов, с. 214]. В духе пропагандистских штампов генерал-майор авиации С. Д. Луганский подчеркивает, что «фашистские стервятники» были «равнодушными профессиональными убийцами», какими «воспитал немецкую молодежь Гитлер» [Луганский]. Их отвага – «отвага профессионального убийцы, выполняющего чужую волю, в руках которой он лишь пушечное мясо», – добавляет главный маршал авиации А. А. Новиков [1970, с. 80]. По мнению дважды Героя Советского Союза генерал-майора Г. А. Речкалова немцам чужд дух коллективизма, воспитываемый в советских асах Коммунистической партией. «Для них война — личная победа, дух коллективизма им чужд. У нас — наоборот» [Речкалов, с. 191]. В. Ф. Голубев в своих воспоминаниях «Крылья крепнут в бою» отмечает, что советский «воздушный боец» «обладает высокими морально-боевыми качествами, стальной волей к победе, способен к самопожертвованию во имя Родины. Гитлеровская молодежь, воспитанная на гнилой нацистской морали, таких качеств не имела. Ее поддерживали “спортивный интерес”, “лавры победы”, оплачиваемые обилием денег и почестей» [Голубев].

Субкультурная «инаковость» немецких асов, находящая свое отражение в другой, по сравнению с советскими летчиками, тактике ведения боя, тактике «свободного охотника», неизменно вызывала обвинение «фашистских стервятников», покидающих поле боя, не выдержав смелых атак «сталинских соколов», в трусости. Об этом пишет в своих воспоминаниях «Истребители» маршал авиации Г. В. Зимин, В. М. Шевчук в «Командир атакует первым», А. Т. Тищенко в «Ведомых “Драконе”». Так, Тищенко замечает: «Взять хотя бы вражеских летчиков. Воюют они, кажется, с умом, расчетливо, в бою не очень

теряются. А как только обострится обстановка или заметят, что их меньше, сразу спешат выйти из боя. <...> Для них нет ничего святого, собственная шкура дороже всего» [Тищенко, с. 112]. Можно сказать, что подобная традиция изображения врага стала складываться в советской мемуарной литературе сразу после окончания войны. Уже в первых своих воспоминаниях 1948 г. «Крылья истребителя» знаменитый советский ас А. И. Покрышкин писал: «Немецкие асы заносчиво именовали себя “рыцарями воздуха”. Они по-дикарски украшали свои машины амулетами, были суеверны и, как это ни покажется странным, по природе своей трусливы, хотя среди них встречались и опытные пилоты» [Покрышкин, с. 70]. Правда, справедливости ради, надо признать, что в стенограмме беседы с А. Покрышкиным, проходившей 25 декабря 1944 г. и предназначенной для Комиссии по составлению хроники Великой Отечественной войны, данный пассаж выглядит немного по-другому: «Если взять немецкого летчика и русского летчика – конечно, разница очень большая. Патриотизм здесь играет большую роль. Такого патриотизма, как у наших летчиков, у немцев нет. Для большинства немецких летчиков имеется цель жизни, так как за сбитые самолеты ему платят. Но желания умирать у них за какое-то дело нет» [цит. по: Марчуков, с. 49]⁷. Если учесть, что данная стенограмма, как и стенограммы бесед с другими летчиками 9-й гвардейской истребительной авиационной дивизии, долгое время хранящиеся в архиве Института российской истории РАН, никогда не подвергалась специальной редакторской правке, ее можно рассматривать как аутентичный синхронный текст, лишенный каких-либо признаков аберрации. Точка зрения Покрышкина 1944 г. мало чем отличается, как мы увидим ниже, от точки зрения российских летчиков-истребителей постперестроечной эпохи, как она находит отражение в их эгодокументах.

Традицию пропагандистско-идеологического изображения противника резко критиковал советский ас А. С. Куманичкин: «С легкой руки некоторых незадачливых журналистов в начале войны родилась легенда: немецкие летчики — безнадежные трусы. <...> Послушать такого “теоретика” — драться с немцами вообще не составляло никакого труда. В действительности же все обстояло намного сложнее» [Куманичкин, с. 34].

Только в некоторых советских мемуарных источниках, например, в «Крылатой гвардии» К. Евстигнеева в «мемуарных проговорах», далеких от идеологических штампов, прорывается «правда» тяжелейших боев с экспертами⁸ Люфтваффе, которых он, правда, тоже порой называет «фашистскими стервятниками», а чаще – «головорезами». Тем не менее, Евстигнеев пишет: «Немецкие летчики имели большой

⁷ Впервые стенограмма, хранящаяся в ИРИ РАН (ф. 2, р. IV, оп. 1. Дело Трижды Героя СССР Покрышкина А. И.) была напечатана в книге А. Марчукова «Героипокрышкинцы о себе и своем командире. Правда из прошлого. 1941–1945» (М., 2014).

⁸ Термин «эксперт» (Experte) в немецкой традиции использовался для обозначения летчика-аса.

опыт воздушных боев. В люфтваффе Геринга были матерые асы, на боевом счету которых числились многие десятки сбитых самолетов разных стран. В их состав входили отборные группы — такие, как эскадрилья “Удет”, укомплектованная головорезами высочайшего класса. Схватка с ними не у каждого заканчивалась удачно. Ведь в бою противник так же, как и ты, стремится к победе» [Евстигнеев, с. 70].

В абсолютном большинстве современных «глубоких интервью» так же, как и в мемуарах, написанных в последние 10–15 лет, мнение российских летчиков-истребителей о профессиональном мастерстве немецких асов традиционно высокое, хотя похвалы в их адрес, порой, звучат несколько принужденно. К. Г. Звонарев: «Хорошие летчики. <...> Они нам не уступали ни по морально-волевым качествам, ни по технике пилотирования. Стреляли хорошо» [Звонарев, с. 432]. И. Л. Звягин: «...они же все “дубовые” кресты имели – они как “герои” были... Да, достойные летчики». [Звягин]. А. А. Щербаков: «Как воевали немецкие летчики, будучи нашими противниками? Для начала скажем, воевали они хорошо» [Щербаков, с. 29]. С. Микоян: «...Это были и в самом деле очень опытные, умелые и смелые бойцы, которых ценили и оберегали» [Микоян, с. 117]. Сходное мнение выражают А. Хайла [Хайла], Л. З. Маслов [Маслов], В. А. Тихомиров [Тихомиров], Н. Е. Беспалов [Беспалов], И. Д. Гайдаенко [Гайдаенко], М. Г. Поморов [Поморов] и др.

Тем не менее, и в постсоветских текстах традиция русского «упоения в бою», всемерной глорификации действительности оказывается четко противопоставленной немецкой «расчетливой» манере ведения воздушной войны. При этом данная «расчетливость» получает уже не столько идеолого-политическое, сколько национальное обоснование как чисто немецкий метод ведения боя, исключая излишний риск и неоправданные жертвы, зато приводящий на практике к высокому результату воздушных побед. Например, И. И. Кожемяко в «глубоком интервью» так характеризует своих немецких оппонентов: «Они были очень расчетливы. Это их основное достоинство и основной недостаток. Очень жить хотели. <...> В бою предсказать поведение немецкого летчика было легко, – он выберет наименее рискованный вариант. Немцы не были трусами (на этот счет я ни капельки не обольщался), просто голый расчет. <...> Да, и отважными я бы их не назвал (все-таки отвага это нечто большее, чем простое отсутствие трусости). У немцев отвага всегда подкреплялась мастерством. Всегда. Чем более опытен был немецкий летчик, тем более активно и наступательно он мог вести маневренный бой. А уж если немецкий летчик рисковал вступить в маневренный бой “один на один”, то поверь, это значило одно – тебе попался боец экстра-класса. <...> Атаковать без внезапности и при равных силах – риск, по немецким меркам, недопустимый» [Кожемяко, с. 146]. Данное мнение Кожемяко подтверждают практически все без исключения советские летчики-истребители, чьи «глубокие интервью» или мемуарные тексты

выходили в свет уже в постцензурный период и на них, соответственно, не могла повлиять позиция Главного политического управления и литературных редакторов советского периода. Контент-анализ дает почти дословное повторение одной и той же точки зрения у летчиков, служивших в различных истребительных полках и не знакомых друг с другом лично (А. Я. Мариненко, Б. И. Кардопольцев, И. Д. Гайдаенко, Н. Г. Голодников). Так, Н. Г. Голодников на вопрос интервьюера о слабых сторонах немецких летчиков-истребителей отвечает: «Очень расчетливые были, не любили рисковать. <...> Часто, чтобы бой выиграть – надо сильно рискнуть и переломить бой в свою сторону, а немцы рисковать не любили» [Голодников, с. 234].

Наметившаяся в российских источниках личного происхождения антитеза русских – немецких асов при ближайшем рассмотрении показывает, что ее нельзя однозначно трактовать лишь как продукт исторической имагологии, вызванной философией военного противостояния и сильной идеологической составляющей военного противоборства «нацистов и коммунистов». Дело не только в этом. Чаше не меньшую роль играет национальный стереотип храбрости и мужества, при несовпадении которого конфликт двух сторон приобретает не столько военно-политический, сколько ментальный характер.

Надо ли удивляться тому, что при подобном настрое советские летчики-истребители просто психологически не могли принять ни высокие личные счета немецких асов, ни тем более признать их лучшими асами Второй мировой войны, как это произошло в англо-американской традиции⁹. Очень показательно в этом отношении интервью И. Кожедуба, данное военному журналисту А. Докучаеву незадолго до смерти самого результативного аса союзников летом 1991 г. Докучаев пишет: «Речь зашла и об Эрихе Хартманне – самом удачливом немецком летчике второй мировой. Кожедуб спокойно рассуждал о его достижениях, потом резко вспыхнул: “Хартманн, Хартманн... Да попался бы он мне. Не встречал на фронте ни одного немца, который не дрогнул бы передо мной. Идем лоб в лоб, все отворачивали, и тут я их вспарывал”» [Докучаев]. Причиной эмоционального всплеска Кожедуба в данной сцене, как поясняет Докучаев, стало ложное известие о смерти самого результативного эксперта Люфтваффе, пробудившее в лучшем асе союзной авиации дух соперничества со своим немецким оппонентом.

Возникает справедливый вопрос, насколько сами немецкие летчики были согласны с подобной характеристикой культивировавшейся ими «негероической» неглюрифицированной манеры боя? Анализ их эгодокументов вынуждает признать: то, что у русских вызывает

⁹ Кроме книг Р. Ф. Толивера и Т. Дж. Констебля много для утверждения данной традиции сделал М. Спик [Спик] (его книга «Асы Третьего Рейха» была переведена на русский язык), а также С. В. Митчем «Орлы Третьего Рейха. Человек в Люфтваффе во Вторую мировую войну» [Mitcham], Ф. Каплан «Истребительные асы Люфтваффе во Второй мировой войне» [Kaplan].

возмущение как расчетливость и трусость, у немцев, наоборот, получает всемерное одобрение как единственно возможный способ при минимуме потерь достичь максимума результатов, т. е. сбитых самолетов противника. Снова и снова лучшие немецкие асы Второй мировой войны говорят о необходимости летать не мускулами, ввязываясь в «собачьи свалки» – бой на виражах, столь ценный советскими летчиками, но «головой», т. е. воевать расчетливо и с разумной осторожностью. В биографии Хартманна «Белокурый рыцарь Германии» командир его эскадры JG 52 Д. Храбак прямо говорит: «To survive in Russia and be successful fighter pilots you must now develop your thinking <...> Fly with your head and not your muscles»¹⁰ [Toliver, Constable, 1985, p. 35]. В одном из своих последних интервью сам Э. Хартманн с благодарностью отзывается об этой установке своего командира: «He taught us how not just to fly and fight, but how to work as a team and stay alive. That was his greatest gift»¹¹ [Hartmann]. Среди учителей будущего лучшего аса Люфтваффе был В. Крупински (Крупин) с общим числом 197 побед. В том же интервью, вспоминая «школу» Крупински, Хартманн свидетельствует: «The one thing I learned from him was that the worst thing to do was to lose a wingman. Kills were less important than survival»¹² [Ibid.]. Сам Крупински, давая интервью в немецком фильме «Fliegerasse der Luftwaffe im Zweiten Weltkrieg» (1997) и делаясь перед камерой своим опытом летчика-истребителя, говорит: «the great thing for a pilot is to stay alive and to return home» или «It is necessary to survive in the battle and only then to think how to bring down a plane of the enemy»¹³ [Fliegerasse der Luftwaffe]. При этом не надо забывать, что как человек В. Крупински представлял собой во время войны типичный образец «сорвиголовы», как это понималось в субкультуре истребителей. Об этом много писали английские и американские авторы книг о Люфтваффе, те же Р. Ф. Толивер и Т. Дж. Констебль, свидетельствовали его боевые друзья, например, Э. Хартманн. Примечательно, что и сам Хартманн, которого российские публицисты вроде Ю. Мухина поспешили заклеить прозвищем «самого трусливого аса Люфтваффе» из-за его тактики воздушного боя [Мухин], по своей натуре был вовсе не холодным и осторожным, но скорее импульсивным и горячим человеком. В книге «Граф и Гриславски. Пара асов», написанной в соавторстве К. Бергштрёмом, В. Антиповым и К. Сандиным, А. Гриславски, ас с 133 победами, один из «учителей» Э. Хартманна на Восточном фронте, вспоминает, как в начале боевой карьеры Хартманна должен был все время одергивать начинающего аса,

¹⁰ «Чтобы выжить в России и стать удачливым пилотом-истребителем, вы должны развивать сейчас свое мышление. <...> Летайте головой, а не мускулами».

¹¹ «Он научил нас не просто летать и драться, а как работать в команде и оставаться в живых. Это был его величайший дар».

¹² «Я научился у него тому, что нет ничего хуже, чем потерять ведомого. Жизнь была важнее побед».

¹³ «Самое главное для летчика – живым вернуться домой»; «В бою необходимо уцелеть самому, а потом уже думать, как сбить противника».

рвущегося вперед, задавая ему риторический вопрос: «Are you so anxious to die, Bubi?»¹⁴ [Graf, Grislawski, p. 143].

Знаменитый ас Люфтваффе И. Штайнгофф в своих мемуарах «Мессершмитты над Сицилией» формулирует основной «урок» воздушной войны как «ability to stay alive and not to be blamed for excessive caution at that»¹⁵ [Steinhoff]. Понятно, что подобный подход не соответствовал тому идеалу героизма, который культивировался в советских ВВС во время войны.

В своих мемуарах немцы не боялись и не боятся писать о своем страхе, моментах трусости, вполне понятных и объяснимых на войне чувствах. Между тем это никак не вписывалось в ту героическую глаорифицированную картину мира, которая создавалась в советское время (и продолжается сейчас!) не только усилиями политпропаганды, но и в соответствии с заветами старинной русской доблести. Ф. Булгарин, говоря о военной культуре наполеоновской эпохи, признавался: «Характер, дух и тон военной молодежи и даже пожилых кавалерийских офицеров составляли *молодечество*, или *удальство*. «*Последняя копейка ребром*» и «*жизнь копейка – голова ничего*» – эти поговорки старинной русской удали были нашим девизом и руководством в жизни. И в войне, и в мире мы искали опасностей, чтобы отличиться бесстрашием и удалством» [Булгарин, с. 173]. Подобную точку зрения в мемуарных текстах Второй мировой войны демонстрируют не только советские летчики-истребители, но и штурмовики. Так, традиция подобного молодечества проявляет себя в воспоминаниях штурмовика Ю. М. Хухрикова: «Нами правили бесшабашность, удаль, лихачество друг перед другом. Хотелось выглядеть отважным, чтобы на тебя обращали внимание, чтобы быть примером для других» [Хухриков, с. 25]. В. М. Бесклубов, лейтенант 274-го Оршанского истребительного авиационного им. Кутузова полка, утверждает: «Наши летчики были патриотичнее, смелее, рисковали своей жизнью. Не боялись умирать. В отличие от фашистов они не считали эту жизнь, которую они вели, такой уж великой ценностью, что за нее нужно было дрожать» [Бесклубов]. В данной цитате присутствует то безразличие к смерти, которое немцы часто отождествляли со славянским фатализмом, т. к. в немецкой военной культуре могла присутствовать эстетизация тягот военной жизни, способствующих воспитанию настоящего мужчины, но отсутствовала эстетизация героической гибели как таковой, что было, напротив, привычно для советской/российской культуры.

Более того, в немецких мемуарах образ «Господина Страх» [Ziegler], «животного страха» [Udet], являющегося большим противником истребителя, чем вражеский пилот, который летчик должен найти силы «задушить в себе», имеет большой потенциал для анализа психологии поведения человека на войне.

¹⁴ «Ты так торопишься умереть, Буби?»

¹⁵ «Умение оставаться в живых, не будучи обвиненными в чрезмерной осторожности».

Во многом подобная позиция немцев по отношению к страху и его преодолению в себе подкреплялась воззрениями немецких женщин, не требующих от своих мужчин безудержного и лихого героизма. Для сравнения М. Хиллер, автор дневника «Женщина в Берлине», впервые анонимно изданного на Западе еще в 50-е гг. XX в., немецкая журналистка, объездившая до войны много стран, включая Советский Союз, 23 апреля, в последние дни существования III Рейха, так размышляет о 300 спартанцах под Фермопилами, которые много веков для различных европейских народов символизировали принцип жертвенного героизма. «And I'm sure that if you looked had enough you could find three hundred German soldiers willing to do the same. But not three million. The larger the force and the more random its composition, the less chance of its members opting for textbook heroism. We women find it senseless to begin with; that's just the way we are – reasonable, practical, opportunistic. We prefer our men alive» [A woman in Berlin, p. 39]¹⁶. Не в этой ли позиции причина того, что после самой разрушительной для Германии войны XX в. немцы нашли в себе силы построить новое демократическое государство, сила и мощь которого меньше всего основывается на милитаристских идеалах глорификации, которые в условиях сегодняшнего дня, в отличие, например, от наполеоновской эпохи, могут привести мир к катастрофическим последствиям.

Советский маршал авиации Е. Я. Савицкий в своих воспоминаниях «Полвека с небом» (1988), признавая объективную силу немецкой армии в целом и Люфтваффе, в частности, тем не менее, заканчивал свои рассуждения следующим пассажем: «Среди немцев тоже хватало настоящих мужчин, храбрых и волевых летчиков, но самопожертвование во имя идеи или во имя дружбы было им несвойственно. Во всяком случае, на нашей территории, чтобы выручить попавшего в беду товарища, они не садились, собственной машиной в бою никого не загораживали, на таран не шли... Не то воспитание, как говорится» [Савицкий, с. 119–120]. Савицкому, как стопроцентному советскому человеку, было привычно списывать все на воспитание, то есть на то, что немцы были фашисты, поэтому у них не могло быть массового героизма, поскольку сражались они не за правое дело. Истина находится все же в другой плоскости – в принципиально ином национальном восприятии героизма, где главным является конкретный результат, но не способы его достижения. Советский идеал, реализуемый в мемуарном тексте, – когда герой-летчик, раненный в бою, расстреляв все боеприпасы, идет на таран со словами о Родине или Сталине на устах. Немецкий летчик мог достигнуть этого же результата методом «свободной охоты», спикуровав со стороны солнца, сбив самолет

¹⁶ «Может быть, и найдется сейчас триста немецких солдат, которые будут вести себя подобным образом, но остальные три миллиона военнослужащих — нет. Чем больше военная сила и чем беспорядочней ее состав, тем меньше шансов для проявления книжного героизма. По своей природе мы, женщины, не приемлем героизма. Мы практичны и разумны. Мы оппортунисты. Мы предпочитаем видеть мужчин живыми».

противника и быстро скрывшись после этого, как это делали лучшие эксперты Люфтваффе, включая Э. Хартманна с его 352 воздушными победами. Но для советского стереотипа воинского поведения в этом не было ничего героического, что вписывалось бы в высокий канон мифориторической культуры. Савицкий немного ошибался относительно абсолютной невозможности таранов для немецкого сознания. В конце войны Г. И. Херманн, полковник бомбардировочной, а потом истребительной авиации сформировал штурмовое соединение, которое должно было бороться с бомбардировщиками противника над Германией, применяя тактику тарана. О своей тактике он подробно рассказал в своих воспоминаниях [Herrmann].

Однако большого результата попытка перенести на немецкую культурную почву военные традиции японских камикадзе не принесла. Во время отражения первого налета бомбардировщиков из 120 истребителей соединения было потеряно 53, сбито же было всего 9 бомбардировщиков противника. Впоследствии командующий немецкой истребительной авиацией А. Галланд, в личном мужестве которого никогда не сомневались ни друзья, ни противники, резко осудил эксперимент Херманна, подчеркнув, что идея подобного самопожертвования чужда природе европейцев [Galland]¹⁷. Словам Савицкого также противоречат факты, когда немецкие летчики садились на советской территории, чтобы вывести своих товарищей, потерявших боевые машины. Например, лучший летчик штурмовой авиации Г. У. Рудель, единственный кавалер высшей воинской награды Германии – Рыцарского креста с золотыми дубовыми листьями, мечами и бриллиантами – по крайней мере, 8 раз приземлялся на советской территории, чтобы вывести своих товарищей [Rudel]. При попытке вывезти таким же образом своего ведомого, сбитого в бою, попал в советский плен известный немецкий ас Э. Россман (80 побед), первый учитель Э. Хартманна. В советскую эпоху символом беззаветного героизма летчиков-истребителей был образ А. Маресьева, прославленный благодаря книге Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке». Подвиг Маресьева, который после ампутации ног вернулся в авиацию и летал с протезами, трактовался как триумф воли настоящего советского человека. Так искренно думал и автор повести Б. Полевой. В книге своих воспоминаний «В конце концов», которую автор писал во время Нюрнбергского процесса, Полевой не скрывает того факта, что проникнуться психологией летчика-истребителя ему помогли беседы со своим немецким шофером, бывшим лейтенантом Люфтваффе, летчиком-истребителем Куртом. Однако размышляя о своем отечественном герое Алексее Маресьеве, Полевой все-таки с сомнением пишет: «Мог бы такой оказаться в воздушных армадах Геринга? Ведь храбрецов и там хватало <...> А вот смог бы тот же Курт, славный, в общем-то, парень, вот так стремиться вернуться в авиацию, прилагать для этого нечеловеческие усилия.

¹⁷ Подробный рассказ о вербовке добровольцев в данное соединение и реакции на это немецких летчиков-истребителей дан в воспоминаниях П. Хенна из JG 51 [Хенн].

И все только для того, чтобы продолжать воевать и снова и снова подвергаться смертельному риску?» [Полевой, с. 153]. На самом деле у немцев тоже были герои, подобные Маресьеву. Тот же Рудель продолжал летать на задания и после того, как в феврале 1945 г. у него была ампутирована нога. Среди асов самой результативной эскадры Люфтваффе JG 52 В. Петерманн продолжал летать и сражаться после того, как 1 ноября 1943 г. его самолет был сбит собственной зенитной артиллерией, в результате чего летчику была ампутирована левая рука и палец на ноге. Впоследствии, летая с протезом вместо руки, Петерманн одержал еще 2 победы, одной из которых был американский четырехмоторный бомбардировщик.

Но в соответствии с мифологией Великой Отечественной войны подобные героические деяния может и должен совершать лишь советский/росийский человек, сражающийся за правое дело и честь своей родины, но никак не немцы-фашисты.

Возникает справедливый вопрос: а как воспринимали советских противников немецкие летчики? Это отношение в некоторых аспектах отличалось от советского.

Во-первых, немцы, судя по их эгодокументам, очень подозрительно относились к идеологической пропаганде любого рода, видя в ней покушение на аполитичное, в идеале, бытие «рыцарей неба». Эта традиция восходила своими корнями еще к военной культуре Первой мировой войны¹⁸. Так, Э. Хартманн признается в последнем интервью: «In fact I would say that in our group there were the majority who found all the National Socialist idiocy a little sickening. Hrabak made it a point to explain to the new young pilots that if they thought they were fighting for National Socialism and Fuehrer they needed to transfer to the Waffen SS or something. He had no time for political types»¹⁹ [Hartmann]. То, что это не было послевоенной аберрацией точки зрения автора, подтверждает книга Л. Вяткина «Трагедии воздушного океана» где автор, вспоминая о своих встречах со знаменитым советским асом А. Покрышкиным, отмечает, что у того была копия летной книжки Э. Хартманна и от него же узнает некоторые подробности пребывания Хартманна в советском плену. Вяткин пишет: «На допросе обратили внимание на его молодость (23 года) и на то, что при звании капитана у него 4 рыцарских железных креста, включая крест с дубовыми листьями, мечами и бриллиантами. На что Гартман (Хартманн. – Е. П.) простодушно отвечал, что ему здорово пришлось “попотеть” в воздушных боях на Восточном фронте и что за ним официально числится 352 победы. “Но я очень рад, что война, наконец, закончена, –

¹⁸ В данном случае на позицию немецких авторов мог повлиять и тот факт, что в послевоенной Европе идеология нацизма была официально запрещена.

¹⁹ «Я должен сказать, что, по правде, в нашей группе большинство считало, что весь этот национал-социалистический идиотизм был немного отвратителен. Храбак сразу говорил новичкам, что если они собираются сражаться за национал-социализм и фюрера, то им следует переводиться в СС или еще куда-нибудь. У него не было времени на политиканов».

заклучил он, улыбаясь, – и нацизму конец» [Вяткин, с. 277]. Напротив, в эгодокументах советских летчиков-истребителей 50–70-х гг. XX в. политическая риторика очень сильна, в них очень часто подчеркивается ведущая и направляющая роль Коммунистической партии, верность которой авторы с воодушевлением декларируют. Например, В. В. Исаев в своих мемуарах «За чистое небо» подчеркивает: «в самые напряженные, критические минуты воздушного боя... я мысленно советуюсь с коммунистом Пустовойтом. <...> И яснее становится моя голова, зорче глаз, тверже рука, сжимающая штурвал боевой машины» [Исаев, с. 165].

Большинство мемуаров немецких летчиков, созданных в последнее десятилетие, вроде «Орла Люфтваффе» В. Шука [Schuck] или «Летной книжки» Г. Ралля [Rall], написаны с очень сильной ориентацией на аксиологическое поле западноевропейской демократии. В том и другом тексте четко проводится граница между Западным и Восточным (советским) миром, война на Востоке трактуется как жестокая война без правил, прежде всего, по вине Советского Союза. Символом этой жестокости у обоих асов становится трагическая судьба немецких летчиков, попавших в советский плен и пропавших там без вести, например, Р. Мюллера – у В. Шука и О. Диккеля – у Г. Ралля. При этом Ралль особенно подчеркивает роль пропаганды в создании атмосферы нетерпимости на Восточном фронте. Беседа с пленным советским асом капитаном Антоновым (реально майор Я. И. Антонов. – Е. П.) летом 1942 г. заставляет автора констатировать: «from his words that the political officers of the red aviation regiments say much the same about us as the whips on our side do about the Red Army. Such propaganda leads to hate, hate leads to atrocities, and atrocities lead to further propaganda. A vicious circle»²⁰ [Rall, p. 127]. Э. Хартманн в своем последнем интервью, рассказывая о сбитом им советском летчике, который после этого стал «гостем» его эскадрильи, вспоминает: «I like to think that people like that went back home and told their countrymen the truth about us, not the propaganda that erupted after the war, although there were some terrible things that happened, no doubt»²¹ [Hartmann].

Пропаганда в советских ВВС в годы войны действительно носила более массивный характер, чем в Люфтваффе, где институт политических офицеров, подобный тому, что был в Красной армии, появился лишь с лета 1944 г. после покушения на фюрера и был встречен в большинстве летных частей без особого восторга²². В советских

²⁰ «По его словам (Антонова. – Е. П.) можно понять, что политофицеры в ВВС рассказывают о нас то же, что наши пропагандисты говорят о Красной Армии. Пропаганда порождает ненависть, ненависть рождает жестокость, жестокость порождает новую пропаганду. Порочный круг».

²¹ «Мне нравится думать, что парни, подобные ему, вернулись домой и рассказали своим соотечественникам правду о нас, а не ту пропаганду, которая изливалась после войны, хотя кое-какие ужасные вещи, без сомнения, имели место быть».

²² Наиболее ярко конфликт летчиков-истребителей с «национал-социалистическими уполномоченными» передан в воспоминаниях В. Хейлмана «Последние бои люфтваффе. 54-я истребительная эскадра на Западном фронте. 1944–1945» [Heilmann].

ВВС политбеседы и митинги представляли собой совершенно привычный для «сталинского сокола» быт войны, в котором сами летчики принимали активное участие. Достаточно обратиться к архивным материалам, впервые напечатанным А. Табаченко и представляющим собой «хроники» покрышкинского полка, вроде выступления старшего лейтенанта Цветкова после посещения летчиками концлагеря Майданек 20 сентября 1944 г.: «Летчики, когда в воздушном бою вы встретите врага, знайте, что против вас не солдат, а дьявол, одетый в форму вражеского солдата, что он не человек, а убийца твоей матери, твоего ребенка. Вспомни на миг Майданек и уничтожь проклятого немца!» [Табаченко, с. 523].

В целом при сравнении немецких и советских текстов, принадлежащих летчикам-истребителям, нельзя не признать, что советские гораздо агрессивнее по своей общей тональности. В них в большей степени проявляется та установка на ненависть к Врагу, Чужому, которая составляла отличительную особенность советской литературы в целом, в каком бы обличье этот враг ни предстал: белогвардеец, буржуй, шпион-диверсант, немец-фашист. Это обстоятельство в настоящее время делает многие советские тексты не очень удобными для перевода на иностранные языки из-за их общей «неполиткорректности».

Однако при всей внешней агрессивности советских текстов, мироощущение их авторов нельзя назвать антигуманистичным. Несмотря на отсутствие у детей рабочих и крестьян того культурного шарма, который был присущ русским офицерам наполеоновской эпохи или Первой мировой войны, их несдержанность в проявлении своих чувств, которая могла проявляться в желании «дать в морду» сбитому «фашистскому стервятнику», они были свято уверены в превосходстве классового «социалистического гуманизма» над «человеконенавистнической идеологией фашизма» и умели отделять судьбу отдельного человека, хоть и врага, от судьбы идеологии, обреченной на уничтожение. Очень примечателен эпизод из «Неба истребителя» дважды героя Советского Союза А. Ворожейкина, когда группа советских летчиков вместе с автором воспоминаний приходит в госпиталь «навестить» сбитого им накануне немецкого аса. В разговоре выяснилось, что у немецкого летчика этика «рыцарей неба» сочеталась с нацистской идеологией: «Хорошего противника мы уважаем, и имена советских асов вписаны в наши книги наряду с немецкими рыцарями». Мы рассмеялись, а немец от обиды востепенел. В глазах застыла бычья решимость. Он поднял руку в фашистском приветствии и рявкнул: «Хайль Гитлер!» «Зачем Гитлера славишь?» — спросил я удивленно. «Он мой фюрер, а вы мои враги». «А мы тебя уже не считаем врагом. Ты пленный, и скоро фашизму будет конец» [Ворожейкин, с. 144]. Все советские летчики, размышляя о будущем своих взятых в плен противников, выражают абсолютную уверенность в том, что тем удастся пережить войну и что обращаться с ними в совет-

ском плену будут должным образом. Достаточно вспомнить рассказ А. Покрышкина Л. Вяткину о лагерных спортивных упражнениях Э. Хартманна, который, оказавшись в советском плену, «оборудовал спортгородок и любимым его упражнением были “экзерции” на спортивном коне и на кольцах. А на перекладине он мастерски крутил “солнце”» [Вяткин, с. 277]. У А. Щербакова, летчика Второй мировой войны, впоследствии ставшего Героем Советского Союза за испытание реактивных самолетов, искреннее возмущение вызвал эпизод из биографической книги Р. Ф. Толивера и Т. Дж. Констебля о Хартманне, где без особого осуждения рассказывается о поступке советского аса В. Лавриненкова, якобы своими руками задушившего севшего на нашей территории немецкого аса, не дав взять его в плен советским пехотинцам. Щербаков пишет: «Мне приходилось встречаться с Владимиром Дмитриевичем (Лавриненковым. – Е. П.) и обсуждать с ним книгу. Он был очень огорчен такой клеветой на него. С подачи Толивера и Констебля немецкий ас – белокурый рыцарь, а советский – зверь и варвар. Хотелось бы поверить, что сюжет о Лавриненкове подал Толиверу и Констеблю не Хартман. По мере того, что я узнавал, у меня складывалось о нем хорошее впечатление» [Щербаков, с. 33].

Если говорить о репрезентации в немецких мемуарах советских стереотипов воинского поведения, то немцы никогда не изображали русских летчиков трусами. Напротив, в десятках немецких мемуарных текстов признается отчаянная, порой, безрассудная храбрость «сталинских соколов», их готовность к самопожертвованию, и это не связано напрямую с политическими взглядами авторов воспоминаний. Сходные точки зрения высказывают полковник Г. Граф, последний командир JG 52, сотрудничавший во время своего пребывания в советском плену с лагерной администрацией и подвергшийся за это впоследствии настоящему ostracismu со стороны ветеранов Люфтваффе, и ас Люфтваффе № 3 Г. Ралль (275 побед в воздухе), занимавший некоторое время должность генерального инспектора послевоенных Бундеслюфтваффе. В советской пропагандистско-публицистической литературе было принято писать, что Ралля «отличала зоологическая ненависть к СССР, ярый реваншизм» [Горбатенко, с. 63]. Однако и в своих многочисленных интервью, и в пространных мемуарах, созданных за несколько лет до смерти (Ралль умер в 2009 г.), он неизменно восхищается мужеством отважных советских пилотов, летавших на «Аэрокобрах»: «And piloting the Airacobras are truly brave men <...> Even in unfavourable circumstances the Soviet fighter pilots were tough, courageous fighters»²³ [Rall, p. 152]. В книге В. К. Йохима «Oberst Hermann Graf: 200 Luftsiege in 13 Monaten» («Полковник Герман Граф: 200 побед за 13 месяцев»), в основу которой были положены дневники пилота, есть эпизод под названием «Das ritterlichy Duell». В нем переданы впечатления Графа от первого года войны на Востоке, когда 14 октября 1941 г. он сбил два Як-1, после чего вступил

²³ «И пилоты Аэрокобр были действительно храбрыми людьми... Даже в невыгодных условиях советские пилоты-истребители были стойкими, храбрыми бойцами».

в бой с советским пилотом, жертвой которого едва не стал сам, приземлившись на свой аэродром на последних каплях горючего: «Meine Knie zittern beim Aussteigen. Das war ein Gegner! <...> Meine Gedanken sind bei dem russischen Jäger, gegen den ich gekämpft hatte. Mit ihm möchte ich einmal zusammensitzen und plaudern. Sicher ist er ein prächtiger Kerl!»²⁴ [Jochim, S. 71]. Сходные высказывания присутствуют в эгодокументах В. Ионена и Г. Липферта, И. Штайнгоффа и А. Гриславски. Тем не менее, очень часто при характеристике храбрости советских пилотов используется термин «*absolutely insane*»²⁵, как в последнем интервью Хартманна, где он рассказывает о своем поединке с «Red Banner flown Yak-9»²⁶ [Hartmann].

При рассмотрении данных мемуарных свидетельств как некоего интертекста, становится очевидным, что большинство из них ставят своей целью опровергнуть взгляд на русских как на плохих летчиков, который сложился во время холодной войны, превратившись в некоторое общее место, и который Г. Липферт в своем «Дневнике гауптмана Люфтваффе» прямо называет ложным [Lipfert]. В наиболее общем виде эту точку зрения высказывал генерал авиации и историк В. Швабедиссен в своей широко известной книге «Русские воздушные силы в глазах германского командования» [Schwabedissen]. Даже имея в виду ситуацию 1944–1945 гг., Швабедиссен, со ссылкой на мнение «немецких командиров», говорит о пассивности и безынициативности советских летчиков-истребителей, утверждая даже, что русские пилоты вступают в бой лишь при численном превосходстве над противником. То обстоятельство, что имея абсолютное превосходство в воздухе, советская авиация добилась незначительного, по мнению автора, успеха «кроется в особенности русского характера, не объяснимой с точки зрения формальной логики» [Ibid., p. 267]. Давая характеристику среднему советскому летчику, Швабедиссен называл среди основных его черт: «склонность к осторожности и пассивности вместо упорства и стойкости, грубую силу вместо тонкого расчета, безграничную ненависть и жестокость вместо честности и благородства» [Ibid., p. 66]. Подобные же мысли о безынициативности и осторожности советских летчиков, их грубой жестокости высказывают американские авторы Р. Ф. Толивер и Т. Дж. Констебль в книге «Истребительные асы Люфтваффе» как некую само собой разумеющуюся официальную точку зрения: «Russian pilots generally tended toward caution and reluctance rather than toughness and stamina, to crudeness rather than combat efficiency, abysmal hatred in battle instead of fairness and chivalry»²⁷ [Toliver, Constable, 1979, p. 245–246]. Справедливости

²⁴ «Мои колени дрожат при выходе. Вот это противник! ...Мои мысли были о русском летчике-истребителе, против которого я сражался. Хотел бы я как-нибудь посидеть с ним и поболтать. Наверняка, он парень, что надо».

²⁵ «Абсолютно безумным».

²⁶ «С краснознаменным Як-9».

²⁷ «Русские пилоты обычно имели склонность к осторожности и неохоте, а не к стойкости и выдержке, к грубости, а не к боевой эффективности, к крайней ненависти в сражении вместо честности и рыцарственности».

ради, надо сказать, что уже в биографии Хартманна Р. Ф. Толивера и Т. Дж. Констебля «сталинским соколам» (Stalin hawks) отводится целая глава и приводится следующая характеристика советских летчиков, основанная на свидетельствах немецких пилотов, воевавших на Восточном фронте: «They were the real fighter types, aggressive, tactically formidable, fearless and flying some of the finest fighter aircraft in existence»²⁸ [Toliver, Constable, 1985, p. 123].

В книгах немецких историков последних десятилетий, например в трудах Ф. Куровски, делается попытка объективно и непредвзято рассмотреть воздушную войну Советского Союза и Германии без обязательных идеологических штампов времен холодной войны о вечном противостоянии Востока и Запада с поиском Врага на Востоке. При новом подходе стало возможным признавать принципиальное равенство участников конфликта как носителей некой единой субкультурной традиции ведения военных действий, о чем в свое время писал Й. Хейзинга [Huizinga]. Например, в книге «Асы Люфтваффе», первое издание которой было осуществлено в 1996 г. (гл. «Wilhelm Batz: A Late Starter Wins the Swords»), Куровски пишет о воздушном сражении над Кубанью в 1943 г.: «Pilots who flew and fought over the Kuban, no matter which side they were on, state that both sides there fought with skill and fairness. There were no attacks on men in parachutes by either side»²⁹ [Kurowski, p. 169]. Во многом объективный взгляд на воздушную войну на Востоке стал формироваться на Западе под влиянием публикаций Г. Меллингера, члена Russian Aviation Research Group, в лондонском издательстве «Osprey Publishing Limited». Речь идет о таких книгах, как «LaGG & Lavochkin Aces of World War 2» (2003), «Yakovlev Aces of World War 2» (2005), «Soviet Lend-Lease Fighter Aces of World War 2» (2006). Однако, богатые фактическим информационным материалом, данные издания достаточно бедны с точки зрения использования в них источников личного происхождения с советской стороны, что в значительной степени снижает их антропологический потенциал, позволяющий понять историческую психологию и своеобразие национального менталитета «сталинских соколов».

Подводя итог, надо признать следующее. Чтобы преодолеть наследие войны, необходимо проявлять толерантность и уважение к национальному ментальному коду. Об этом хорошо сказал историк, военный летчик Второй мировой войны Г. Литвин: «Трудно понять другой народ... забывая, что продолжением недостатков являются достоинства, а продолжением и своих, и чужих достоинств – недостатки <...> Народ есть народ, и черты его характера устойчивы. Их нельзя игнорировать и трудно изменить. Как было бы хорошо, если

²⁸ «Это были настоящие бойцы, агрессивные, тактически искусные, бесстрашные и летающие на самых лучших к тому времени истребителях».

²⁹ «Летчики, которые летали и воевали на Кубани, неважно, на какой стороне они были, утверждали, что обе стороны там сражались умело и честно. Там не было нападений на людей на парашютах с любой стороны».

бы народы изучали друг друга не с целью борьбы, а с целью объединения усилий во имя мира. Как много русские могли бы почерпнуть от немцев, а немцы – от русских!» [Литвин, с. 8].

Действительно, в мирной жизни немецкая пунктуальность и рационализм делает немца прекрасным деловым партнером, консерватизм и постоянство в привычках – верным товарищем. Русская повышенная эмоциональность и сердечность помогает преодолеть барьер взаимного непонимания. А это единственный путь для преодоления негативных черт культурной мифологии Чужого-Врага. Разумеется, этот путь не будет легким. В России уже около семи лет не может выйти на широкий экран фильм А. Высоковского «Сердце врага», посвященный взаимоотношениям советских и немецких летчиков в годы Великой Отечественной войны и после ее окончания [Сердце врага]. Гуманистический аспект фильма, связанный с проблемами взаимоотношения народов во время войны и далекий от привычных идеологических клише, вызывает неоднозначную реакцию в современном российском обществе, во многом продолжающем мыслить категориями войны, а не мира.

Алексеев Д. А. Беседа с летчиком 41-го ГИАП, полковником запаса Д. А. Алексеевым [Электронный ресурс]. URL: http://localhost/C:/Documents%20and%20Settings/USER/Мои%20документы/Драбкин-истребители/Беседа%20с%20Д_А_Алексеевым.htm (дата обращения: 10.12.2013). [Alekseev D. A. Beseda s letchikom 41-go GIAP, polkovnikom zapasa D. A. Alekseevym [Elektronnyj resurs]. URL: http://localhost/C:/Documents%20and%20Settings/USER/Мои%20документы/Драбкин-истребители/Беседа%20с%20Д_А_Алексеевым.htm (data obrascheniya: 10.12.2013).]

Алексиевич С. У войны не женское лицо [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/NEWPROZA/ALEKSIEWICH/zhensk.txt> (дата обращения: 10.12.2013). [Aleksievich S. U vojny ne zhenskoe litso [Elektronnyj resurs]. URL: <http://lib.ru/NEWPROZA/ALEKSIEWICH/zhensk.txt> (data obrascheniya: 10.12.2013).]

Баевский Г. А. «Сталинские соколы» против асов Люфтваффе. М. : Яуза : Эксмо, 2009. 288 с. [Baevskij G. A. «Stalinskie sokoly» protiv asov Lyuftvaffe. M. : Yauza : Eksmo, 2009. 288 s.]

Беспалов Николай Ефимович // Я дрался с асами люфтваффе. На смену павшим. 1943–1945 / сост. А. В. Драбкин. М. : Яуза : Эксмо, 2006. С. 441–458. [Bespalov Nikolaj Efimovich // Ya dralsya s asami lyuftvaffe. Na smenu pavshim. 1943–1945 / sost. A. V. Drabkin. M. : Yauza : Eksmo, 2006. S. 441–458.]

Бесklubов Валентин Модестович [Электронный ресурс]. URL: <http://iremember.ru/letchiki-istrebiteli/besklubov-valentin-modestovich.html> (дата обращения: 10.12.2013). [Besklubov Valentin Modestovich [Elektronnyj resurs]. URL: <http://iremember.ru/letchiki-istrebiteli/besklubov-valentin-modestovich.html> (data obrascheniya: 10.12.2013).]

Букчин Семен Зиновьевич // Я дрался с асами люфтваффе. На смену павшим. 1943–1945 / сост. А. В. Драбкин. М. : Яуза : Эксмо, 2006. С. 34–51. [Bukchin Semen Zinov'evich // Ya dralsya s asami lyuftvaffe. Na smenu pavshim. 1943–1945 / sost. A. V. Drabkin. M. : Yauza : Eksmo, 2006. S. 34–51.]

Булгарин Ф. Ф. Записки. М. : Захаров, 2001. 782 с. [Bulgarin F. F. Zapiski. M. : Zakharov, 2001. 782 s.]

Ворожейкин А. В. Небо истребителя. М. : Воениздат, 1991. 100 с. [Vorozhejkin A. V. Nebo istrebitelya. M. : Voenzdat, 1991. 100 s.]

Вяткин Л. Трагедии воздушного океана. М. : Прибой, 1999. 400 с. [Vyatkin L. Tragedii vozdushnogo okeana. M. : Priboj, 1999. 400 s.]

Гайдаенко Иван Дмитриевич // Я дрался с асами люфтваффе. На смену павшим. 1943–1945 / сост. А. В. Драбкин. М. : Яуза : Эксмо, 2006. С. 477–507. [Gajdaenko

Ivan Dmitrievich // Ya dralsya s asami lyuftvaffe. Na smenu pavshim. 1943–1945 / sost. A. V. Drabkin. M. : Yauza : Eksmo, 2006. S. 477–507.]

Гладков А. К. Мемуары – окно в прошлое // Вопр. литературы. 1963. № 4. С. 122–131. [Gladkov A. K. Memuary – okno v proshloe // Vopr. literatury. 1963. N 4. S. 122–131.]

Голодников Николай Герасимович (интервью Андрея Сухорукова) // Драбкин А. Я дрался на истребителе. Принявшие первый удар. 1941–1942. М. : Яуза : Эксмо, 2006. С. 199–280. [Golodnikov Nikolaj Gerasimovich (interv'y u Andreyu Sukhorukova) // Drabkin A. Ya dralsya na istrebitеле. Prinyavshie pervyj udar. 1941–1942. M. : Yauza : Eksmo, 2006. S. 199–280.]

Голубев В. Ф. Крылья крепнут в бою [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/memo/Russian/golubev-vf/ineex.html> (дата обращения: 10.04.2014). [Golubev V. F. Kryl'ya krepnut v boyu [Elektronnyj resurs]. URL: <http://militera.lib.ru/memo/Russian/golubev-vf/ineex.html> (data obrascheniya: 10.04.2014).]

Горелов Сергей Дмитриевич // Драбкин А. Я дрался на истребителе. 1941–1942. М., Яуза : Эксмо, 2006. С. 335–366. [Gorelov Sergej Dmitrievich // Drabkin A. Ya dralsya na istrebitеле. 1941–1942. M. : Yauza : Eksmo, 2006. S. 335–366.]

Горбатенко Д. Д. Коричневые «ястребы». М. : Воениздат, 1981. 95 с. [Gorbatenko D. D. Korichnevye «yastreby». M. : Voenizdat, 1981. 95 s.]

Грибанов С. В. Заложники времени. Сочинение летчика-истребителя на свободную тему. М. : Воениздат, 1992. 330 с. [Gribanov S. V. Zalozhniki vremeni. Sochinenie letchika-istrebitelya na svobodnuyu temu. M. : Voenizdat, 1992. 330 s.]

Докучаев А. От Осипова до Матросова // Красная звезда. 23 февраля. [Dokuchaev A. Ot Osipova do Matrosova // Krasnaya zvezda. 23 fevralya.]

Драченко И. Г. На крыльях мужества. М. : ДОСААФ, 1986. 163 с. [Drachenko I. G. Na kryl'yakh muzhestva. M. : DOSAAF, 1986. 163 s.]

Звонарев Константин Григорьевич // Я дрался с асами люфтваффе. На смену павшим. 1943–1945 / сост. А. В. Драбкин. М. : Яуза : Эксмо, 2006. С. 425–441. [Zvonarev Konstantin Grigor'evich // Ya dralsya s asami lyuftvaffe. Na smenu pavshim. 1943–1945 / sost. A. V. Drabkin. M. : Yauza : Eksmo, 2006. S. 425–441.]

Звягин И. Л. Интервью с летчиком 43 иап Иваном Лукичем Звягиным. Интервью О. Кoryтова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.airforce.ru/history/ww2/zvjagin/index.htm> (дата обращения: 10.12.2013). [Zvyagin I. L. Interv'y u O. Korytova [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.airforce.ru/history/ww2/zvjagin/index.htm> (data obrascheniya: 10.12.2013).]

Евстигнеев К. Крылатая гвардия. Есть упоение в бою. М. : Яуза : Эксмо, 2006. 320 с. [Evstigneev K. Krylataya gvardiya. Est' upoenie v boyu. M. : Yauza : Eksmo, 2006. 320 s.]

Еремин Борис Николаевич // Драбкин А. Я дрался на истребителе. Принявшие первый удар. 1941–1942. М. : Яуза : Эксмо, 2006. С. 141–163. [Eremin Boris Nikolaevich // Drabkin A. Ya dralsya na istrebitеле. Prinyavshie pervyj udar. 1941–1942. M. : Yauza : Eksmo, 2006. S. 141–163.]

Иванов А. Л. Скорость, маневр, огонь. М. : ДОСААФ, 1974. 304 с. [Ivanov A. L. Skorost', manevr, ogon'. M. : DOSAAF, 1974. 304 s.]

Исаев В. В. За чистое небо. Харьков : Прапор, 1975. 240 с. [Isaev V. V. Za chistoe nebo. Khar'kov : Prapor, 1975. 240 s.]

Кайтанов К. Ф. Под куполом парашюта. М. : ДОСААФ, 1984. 137 с. [Kajtanov K. F. Pod kupolom parashyuta. M. : DOSAAF, 1984. 137 s.]

Карданов К. Л. Полет к Победе. Записки военного летчика. Нальчик : Эльбрус, 1985. 280 с. [Kardanov K. L. Polet k Pobede. Zapiski voennogo letchika. Nal'chik : El'brus, 1985. 280 s.]

Кардопольцев Бенедикт Ильич [Электронный ресурс]. URL: <http://iremember.ru/letchiki-istrebiteli/kardopol'tsev-benedikt-ilich.html> (дата обращения: 10.12.2013). [Kardopol'tsev Benedikt Il'ich [Elektronnyj resurs]. URL: <http://iremember.ru/letchiki-istrebiteli/kardopol'tsev-benedikt-ilich.html> (data obra-scheniya: 10.12.2013).]

Кожемяко Иван Иванович. Интервью Андрея Сухорукова // Я дрался с асами люфтваффе. На смену павшим. 1943–1945 / сост. А. В. Драбкин. М. : Яуза : Эксмо, 2006. С. 74–196. [Kozhemyako Ivan Ivanovich. Interv'y u Andreyu Sukhorukogo // Ya dralsya s asami lyuftvaffe. Na smenu pavshim. 1943–1945 / sost. A. V. Drabkin. M. : Yauza : Eksmo, 2006. S. 74–196.]

Крамаренко С. Против «мессеров» и «сейбров». В небе двух войн. М. : Яуза : Эксмо, 2006. 384 с. [Kramarenko S. Protiv «messerov» i «sejbrov». V nebe dvukh vojn. M. : Yauza : Eksmo, 2006. 384 s.]

Кривошеев Григорий Васильевич // Я дрался с асами люфтваффе. На смену павшим. 1943–1945 / сост. А. В. Драбкин. М. : Яуза : Эксмо, 2006. С. 5–34. [Krivosheev Grigorij Vasil'evich // Ya dralsya s asami lyuftvaffe. Na smenu pavshim. 1943–1945 / sost. A. V. Drabkin. M. : Yauza : Eksmo, 2006. S. 5–34.]

Куманичкин А. С. Чтобы жить... Купцов Н. С. Воздушные рабочие войны. Николаев М. А. Добровольцы, шаг вперед! М. : Молодая гвардия, 1987. 335 с. [Kumanichkin A. S. Chtoby zhit'... Kuptsov N. S. Vozdushnye rabochie vojny. Nikolaev M. A. Dobvol'tsy, shag vpered! M. : Molodaya gvardiya, 1987. 335 s.]

Кунитсын Виктор Александрович [Электронный ресурс]. URL: <http://iremember.ru/letchiki-istrebiteli/kunitsin-viktor-aleksandrovich.html> (дата обращения: 10.12.2013). [Kunitsyn Viktor Aleksandrovich [Elektronnyj resurs]. URL: <http://iremember.ru/letchiki-istrebiteli/kunitsin-viktor-aleksandrovich.html> (data obrascheniya: 10.12.2013).]

Летающие тузы. Российские асы первой мировой войны. СПб. : Новое культурное пространство, 2006. 432 с. [Letayushchie tuzy. Rossijskie asy pervoj mirovoj vojny. SPb. : Novoe kul'turnoe prostranstvo, 2006. 432 s.]

Литвин Г. Лето 1941. Война в воздухе // Авиация и космонавтика – вчера, сегодня, завтра. 1998. № 7. С. 5–10. [Litvin G. Leto 1941. Vojna v vozdukh // Aviatsiya i kosmonavtika – vchera, segodnya, zavtra. 1998. N 7. S. 5–10.]

Луганский С. Д. На глубоких выражах [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/memo/Russian/lugansky/index.html> (дата обращения: 10.12.2013). [Luganskij S. D. Na glubokikh virazhakh [Elektronnyj resurs]. URL: <http://militera.lib.ru/memo/Russian/lugansky/index.html> (data obrascheniya: 10.12.2013).]

Луков Вл. А. Теоретическое осмысление неоромантизма: академическая речь Ростана // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 3. С. 111–118. [Lukov Vl. A. Teoreticheskoe osmyslenie neoromantizma: akademicheskaya rech' Rostana // Znanie. Poni-manie. Umenie. 2009. N 3. S. 111–118.]

Марчуков А. Герои-покрышкинцы о себе и своем командире. Правда из прошлого. 1941–1945. М. : Центрполиграф, 2014. 672 с. [Marchukov A. Geroi-pokryshkintsy o sebe i svoem komandire. Pravda iz proshlogo. 1941–1945. M. : Tsentrpoligraf, 2014. 672 s.]

Маслов Леонид Захарович // Я дрался с асами люфтваффе. На смену павшим. 1943–1945 / сост. А. В. Драбкин. М. : Яуза : Эксмо, 2006. С. 196–220. [Maslov Leonid Zaxharovich // Ya dralsya s asami lyuftvaffe. Na smenu pavshim. 1943–1945 / sost. A. V. Drabkin. M. : Yauza : Eksmo, 2006. S. 196–220.]

Месснер Е. Современные офицеры // Офицерский корпус Русской Армии. Опыт самопознания / сост. А. И. Каменев, И. В. Домнин, Ю. Т. Белов, А. Е. Савинкин, ред. А. Е. Савинкин. М. : Воен. ун-т. Рус. путь, 2000. С. 227–241. [Messner E. Sovremennye ofitsery // Ofiterskij korpus Russkoj Armii. Opyt samopoznaniya / sost. A. I. Kamenev, I. V. Domnin, Yu. T. Belov, A. E. Savinkin, red. A. E. Savinkin. M. : Voen. un-t. Rus. put', 2000. S. 227–241.]

Микоян С. Мы – дети войны. Воспоминания военного летчика-испытателя. М. : Яуза : Эксмо, 2006. 576 с. [Mikoyan S. My – deti vojny. Vospominaniya voennogo letchika-isyptatelya. M. : Yauza : Eksmo, 2006. 576 s.]

Мухин Ю. Асы и пропаганда. Дутые победы Люфтваффе. М. : Яуза : Эксмо, 2006. 480 с. [Mukhin Yu. Asy i proraganda. Dute pobedy Lyuftvaffe. M. : Yauza : Eksmo, 2006. 480 s.]

Некрасов В. На крыльях победы. Записки летчика-истребителя. Хабаровск : Хабаров. кн. изд-во, 1960. 183 с. [Nekrasov V. Na kryl'yakh pobedy. Zapiski letchika-istrebitelya. Khabarovsk : Khabarov. kn. izd-vo, 1960. 183 s.]

Новиков А.А. В небе Ленинграда (Записки командующего авиацией). М. : Наука, 1970. 179 с. [Novikov A. A. V nebe Leningrada (Zapiski komanduyuschego aviatsiej). M. : Nauka, 1970. 179 s.]

Павлов Г. Р. Крылья мужества. Записки генерала. Казань : Татар. кн. изд-во, 1988. 190 с. [Pavlov G. R. Kryl'ya muzhestva. Zapiski generala. Kazan' : Tatar. kn. izd-vo, 1988. 190 s.]

Павлов Леонид Матвеевич [Электронный ресурс]. URL: <http://iremember.ru/letchiki-istrebiteli/pavlov-leonid-matveevich.html> (дата обращения: 10.12.2013). [Pavlov Leonid Matveevich [Elektronnyj resurs]. URL: <http://iremember.ru/letchiki-istrebiteli/pavlov-leonid-matveevich.html> (data obrasche-niya: 10.12.2013).]

Покрышкин А. И. Крылья истребителя. М. : Воениздат МВС СССР, 1948. 140 с. [Pokryshkin A. I. Kryl'ya istrebitelya. M. : Voениzdat MVS SSSR, 1948. 140 s.]

Полевой Б. Н. В конце концов. М. : Сов. Россия, 1972. 240 с. [Polevoj B. N. V kontse kontsov. M. : Sov. Rossiya, 1972. 240 s.]

Поморов М. Г. Интервью с летчиком 12 ИАКП ВВС КБФ Поморовым Михаилом Георгиевичем [Электронный ресурс]. URL: <http://www.airforce.ru/history/ww2/pomorov/index.htm> (дата обращения: 10.12.2013). [Pomorov M. G. Interv'y u letchikom 12 IAKP VVS KBF Pomorovym Mikhailom Georgievichem [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.airforce.ru/history/ww2/pomorov/index.htm> (data obrascheniya: 10.12.2013).]

Прозор Иван Семёнович [Электронный ресурс]. URL: <http://iremember.ru/letchiki-istrebiteli/prozor-ivan-semenovich.html> (дата обращения: 10.12.2013). [Ivan Semyonovich [Elektronnyj resurs]. URL: <http://iremember.ru/letchiki-istrebiteli/prozor-ivan-semenovich.html> (data obrascheniya: 10.12.2013).]

Речкалов Г. А. [В небе Молдавии. Кишинев : Карта молдовеныаске, 1967]. 247 с. Rechkalov G. A. [V nebe Moldavii. Kishinev : Kartya moldovenyaskе, 1967. 247 s.]

Решетников В. Обреченные на подвиг. Избранники времени. Все выше, и выше, и выше... М. : Яуза : Эксмо, 2007. 320 с. [Reshetnikov V. Obrechennyye na podvig. Izbranniki vremeni. Vse vyshe, i vyshe, i vyshe... M. : Yauza : Eksmo, 2007. 320 s.]

Савицкий Е. Я. Полвека с небом. М. : Воениздат, 1988. 414 с. [Savitskij E. Ya. Polveka s neбом. M. : Voenizdat, 1988. 414 s.]

Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века. Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2006. 288 с. [Senyavskaya E. S. Protivniki Rossii v voynakh XX veka. Evolyutsiya «obrazа vrаgа» v soznanii armii i obschestva. M. : Ros. polit. entsikl. (ROSSPEN), 2006. 288 s.]

Сердце врага. Информация о фильме [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kino-teatr.ru/kino/movie/10254/annot/> (дата обращения: 10.12.2013). [Serdtsе vrаgа. Informatsiya о fil'mе [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.kino-teatr.ru/kino/movie/10254/annot/> (data obrascheniya: 10.12.2013).]

Спик М. Асы Третьего рейха. М. : АСТ, 2007. 567 с. [Spik M. Asy Tret'его rejkhа. M. : AST, 2007. 567 s.]

Табаченко А. Покрышкинский авиаполк. «Нелакированные» боевые хроники. 16-й гвардейский истребительный авиационный полк в боях с люфтваффе. 1943–1945. М. : Центрополиграф, 2012. 751 с. [Tabachenko A. Pokryshkinskij aviapolk. «Nelakirovannyye» boevyye khroniki. 16-j gvardejskij istrebitel'nyj aviatsionnyj polk v boyakh s lyuftvaffe. 1943–1945. M. : TSentropoligraf, 2012. 751 s.]

Тимофеев А. В. Покрышкин. М. : Молодая гвардия, 2005. 524 с. [Timofeev A. V. Pokryshkin. M. : Molodaya gvardiya, 2005. 524 s.]

Тихомиров Владимир Алексеевич. Интервью Андрея Дикова и Олега Корытова // Я дрался с асами люфтваффе. На смену павшим. 1943–1945 / сост. А. В. Драбкин. М. : Яуза : Эксмо, 2006. С. 236–271. [Tikhomirov Vladimir Alekseevich. Interv'y u Andreyа Dikova i Olegа Korytova // Ya dralsya s asami lyuftvaffe. Na smenu pavshim. 1943–1945 / sost. A. V. Drabkin. M. : Yauza : Eksmo, 2006. S. 236–271.]

Тищенко А. Т. Ведомые «Дракона». М. : Воен. изд-во М-ва обороны СССР, 1966. 198 с. [Tishchenko A. T. Vedomye «Drakona». M. : Voen. izd-vo M-va oborony SSSR, 1966. 198 s.]

Хайла Александр Фёдорович // Драбкин А. Я дрался на истребителе. Принявшие первый удар. 1941–1942. М. : Яуза : Эксмо, 2006. С. 304–335. [Khajla Aleksandr Fyodorovich // Drabkin A. Ya dralsya na istrebitеле. Prinyavshie pervyy udar. 1941–1942. M. : Yauza : Eksmo, 2006. S. 304–335.]

Хенн П. Последнее сражение. Воспоминания немецкого летчика-истребителя. 1943–1945 / пер. с англ. М. В. Зефинова. М. : Центрополиграф, 2006. 287 с. [Khenn P. Poslednee srazhenie. Vospominaniya nemetskogo letchika-istrebitelyа. 1943–1945 / per. s angl. M. V. Zefirova. M. : Tsentropoligraf, 2006. 287 s.]

Хухриков Юрий Михайлович (интервью и лит. обработка А. Драбкин) // Драбкин А. Я дрался на Ил-2. М. : Эксмо, 2006. С. 7–27. [Khukhrikov Yuriy Mikhailovich (interv'y u i lit. obrabotka A. Drabkin) // Drabkin A. Ya dralsya na Il-2. M. : Eksmo, 2006. S. 7–27.]

Щербakov А. Летчики. Самолеты. Испытания. М. : МИК, 2010. 224 с. [Shcherbakov A. Letchiki. Samolety. Ispytaniya. M. : MIK, 2010. 224 s.]

A woman in Berlin. Diary 20 April 1945 to 22 June 1945. London : Virago Press, 2009. 311 p.

Fliegerasse der Luftwaffe im Zweiten Weltkrieg» (1997) [Электронный ресурс]. URL: http://mumiputz.ucoz.ru/publ/vtoraja_mirovaja_vojna/fliegerasse_der_luftwaffe_im_zweiten_weltkrieg/deutsche_luftwaffe_die_besten_fliegerasse_der_luftwaffe/78-1-0-2950 (дата обращения: 10.12.2013).

Galland A. The First and Last. Buccaneer Book, 1990. 280 p.

- Graf & Grislawski. A Pair of Aces / C. Bergström, V. Antipov, C. Sundin ; written in cooperation with A. Grislawski. Hamilton : Eagle Editions Ltd, 2003. 312 p.*
- Hartmann E. The Final Interview with Erich. Colin D.Heaton / [Электронный ресурс]. URL: <http://localhost/C:/Documents%20and%20Settings/USER/Мои%20документы/Эрих%20Хартманн/Hartmann.%20Интервью..htm> (дата обращения: 10.12.2013).*
- Heilmann W. Alert in the West. London : William Kimber, 1955. 202 p.*
- Herrmann H. Eagle's wings. The autobiography of a Luftwaffe pilot. Osceola : Motorbooks International Publisher & Wholesalers, 1991. 270 p.*
- Huizinga J. Homo Ludens. A study of the play – element in culture. London : Boston : Henley, ROUTLEDGE & KEGAN PAUL, 1949. 220 p.*
- Jochim B. K. Oberst Hermann Graf: 200 Luftsiege in 13 Monaten. Rastatt : VPM Verlag-union Pabel Moewig KG, 1998. 278 S.*
- Johnson J. E. Wing Leader. London : Chatto & Windus, 1956. 320 p.*
- Kaplan P. Fighter ace of the Luftwaffe in World War II. Barnsley, South Yorkshire : Pen & Sword AVIATION, 2007. 197 p.*
- Kurowski, F. Luftwaffe aces. German Combat pilots of World War II. Mechanicsburg : Stackpole books, 2004. 396 p.*
- Lipfert H., Girbig W. The war Diary of Hauptmann Helmut Lipfert. JG 52 on the Russian front 1943–1945. Schiffer Military History, 1992. 224 p.*
- Mellinger G. Lagg & Lavochkin Aces of World War 2. Oxford : Osprey publishing Ltd, 2003. 96 p.*
- Mellinger G. Soviet Lend-Lease Fighter Aces of World War 2. Oxford : Osprey publishing Ltd, 2006. 96 p.*
- Mellinger G. Yakovlev Aces of World War 2. Oxford : Osprey publishing Ltd, 2005. 96 p.*
- Mitcham Samuel W. Eagles of the Third Reich. Men of the Luftwaffe in World War II. Mechanicsburg : Stackpole books, 2007. 346 p.*
- Rall G. My Logbook. Moosburg : NeunundzwanzigSechs Verlag, 2006. 374 p.*
- Richthofen M. von. Der Rote Kampfflieger. Germa-Press Verlag, 1990. 178 S.*
- Rudel H.-U. Stuka-Pilot. New York : Ballantine Books, 1963. 280 p.*
- Schuck W. Luftwaffe Eagle. From the Me 109 to the Me 262. Manchester : Crecy Publishing Limited, 2010. 239 p.*
- Schwabedissen W. Russian Air Force in the Eyes of German Commanders. Ayer Co Pub, 1968. 450 p.*
- Steinhoff J. Messerschmitts over Sicily: Diary of a Luftwaffe Fighter Commander. Mechanicsburg : Stackpole Books, 2004. 288 p.*
- Toliver R. F., Constable T. J. Horrido! Faighter Aces of the Luftwaffe. New York : Bantam Book, Inc, 1979. 411 p.*
- Toliver R. F., Constable T. J. Blond knight of Germany. A biography of... Erich Hartmann. Blue Ridge Summit, PA: TAB| AERO Books, 1985. 332 p.*
- Udet E. Mein Fliegerlieben. Berlin : Im Deutchen Verlag, 1935. 195 S.*
- Weal J. More Bf 109 Aces of the Russian Front. Oxford : Osprey publishing Ltd, 2007. 96 p.*
- Ziegler M. Rocket Fighter. London : Macdonald, 1961. 161 p.*

The article was submitted on 21.12.2013

Елена Евгеньевна Приказчикова,
проф.
Россия, Екатеринбург
Уральский федеральный
университет
miegata-logos@yandex.ru

Elena Prikazchikova, prof.
Russia, Yekaterinburg
Ural Federal University
miegata-logos@yandex.ru